

Егор Курлюк

УБИЙЦА НЕВИННАЯ



18+

Егор Курлюк

Убийца Невинная

<https://litres.ru/74004293>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодая девушка Таня возвращается в родную деревню из колонии, где отбывала наказание за убийство. Её задача восстановиться в университете, найти работу и – самое главное – доказать свою невиновность. Но как это сделать, если улики против неё, а прямых свидетелей события нет? Девушку пытаются поддержать родственники, подруги и новый обаятельный сосед Ваня.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Егор Курлюк

Убийца Невинная

Глава 1

Родная Деревня встретила Таню чёрным небом и падением редких мелких снежинок. Несмотря на то, что было начало декабря, первый снег выпал лишь минувшей ночью. Он лежал почти везде, но очень тонким слоем.

Покинув вагон поезда, Таня сошла на перрон и оглядела небольшое кирпичное одноэтажное здание вокзала и прилегающую к нему площадь. В течение полутора лет, которые девушка отсутствовала на родине, никаких видимых изменений не наблюдалось. Возможно, прошлым летом обновили краску на фасадах. Фонари, урны, вывески, ограждения и даже рекламный баннер остались прежними. Будто и не уезжала.

За спиной девушки закрылись двери, и поезд отправился дальше, а она, медленно глубоко вдохнув и резко выдохнув, почти на глаза натянула лиловую шерстяную шапку, из под которой свисали русые волосы. Она надела вязаные перчатки, обхватила лямки рюкзака и, направив взгляд на разбитую тротуарную плитку перед собой, скорее двинулась в сторону турникетов. Они находились в левой части вокзала с отдель-

ным входом, что не могло не радовать Таню, ведь тогда она не будет проходить через зал ожидания и кассы, где могут быть знакомые люди, которых она пока не была готова встретить. Быстро отсканировав билет, девушка вышла из здания.

Оставив позади пустую привокзальную площадь с небольшой парковкой, она немного сбавила шаг и вышла на некогда асфальтированный тротуар улицы, которая ведёт вниз по пологому холму к деревенским домам. Таня остановилась. От волнения у неё часто забилось сердце, во рту пересохло, но она не стала снимать рюкзак и доставать оттуда бутылку с водой.

«Дома», – подумала она. – «Всё дома. Скорее бы дойти».

С Вокзального холма открывался красивый вид на всю Деревню. В ясную погоду с этой точки можно рассмотреть почти все дома и дальние холмы с полями, а на горизонте – леса и горы. Но сейчас, в ранние зимние сумерки, видны только огни домов и точечное освещение основных улиц. Однако Таня всё равно пыталась отыскать крышу родного дома, как она это делала в школьные годы. Лишь убедившись, что обзор закрыли выросшие деревья, она двинулась вперёд.

Девушка спустилась с холма и на ближайшем перекрёстке свернула направо. Здесь находятся «Магазин», Почта, фельдшерский пункт, а за ним школа, в которой она училась. На другой стороне улицы напротив магазина стояло приметное здание с огромной светящейся вывеской «Кафе» и сквер с памятником. Далее вдоль дороги располагался небольшой

заросший парк с болотистым прудом. На него был прекрасный вид из школьных окон. Территория парка заканчивалась поворотом на другую улицу, куда и перешла Таня с противоположной стороны основной дороги.

Она шла быстро, мельком исподлобья оглядывая дома и заборы. На её счастье ей не встретился ни один прохожий, не проехала ни одна машина, не пробежала ни одна собака или кошка. Полную тишину Деревни сейчас нарушал только слабый хруст снега от шагов девушки.

Дойдя почти до середины улицы, Таня остановилась. Комок подступил к горлу, и по телу пробежала дрожь. Сердце сильно забилося, а руки онемели. Она будто бы смотрела сквозь группу высоких елей, растущих у дороги и на участке. За ними находится её родной дом. Дом, в котором она выросла и была счастлива.

Таня начала медленно двигаться, прошла мимо елей, и перед её глазами возник одноэтажный дом из бруса, такой же каким она его видела последний раз в июне прошлого года. Свет горел только в среднем большом окне. Слева от него было маленькое окно, в прихожей, а справа – тоже большое окно – относилось к гостиной.

Открыв калитку, Таня замерла, продолжая разглядывать дом и сад перед ним. Слева были ели и различные кусты, посаженные и так оберегаемые матерью. Справа от центральной дорожки, ведущей к крыльцу, было что-то вроде альпийской горки, где та же мать выращивала красивые цветы. Тут

же росла и яблоня. Как же она вымахала за время отсутствия Тани!

Мать создавала эту сказочную красоту для тёплых вечерних посиделок. Отец когда-то поставил поодаль две скамейки, а между ними костровую чашу. Редко, в основном в большие семейные и национальные праздники, всё же получалось домочадцам и гостям провести здесь время. Были разговоры, пелись песни, рассказывались истории и анекдоты.

Далее уже был заезд с навесом перед гаражом, который примыкал к правой части дома.

Взглянув на всё это, у Тани бешеной каруселью пронеслись воспоминания. Она еле сдерживала слёзы.

Закрыв за собой калитку, девушка направилась по дорожке со свежими следами, оставленными кем-то не более часа назад. Уже собираясь войти в дом, она вдруг взяла метлу, стоявшую около входной двери, и стала подметать крыльцо, избавляясь от тонкого слоя свежего пушистого снега.

Таня очень сильно хотела войти в дом, но в то же время искала способы отсрочить это событие. Между тем понимала, что, очистив крыльцо, ей больше нечем будет заняться. Тогда, вернув метлу на место, она села на небольшую лавку, что была на крыльце, и уже с этой стороны стала разглядывать садик, забор с калиткой, крыши домов напротив. В этот момент у неё не было определённых мыслей. Словно какая-то пустота заполнила её сознание.

«Надо просто как следует выспаться, отдохнуть», – поду-

мала она, – «А завтра уже начну всё решать».

Кивнув самой себе согласиём, Таня встала с лавки, открыла дверь и вошла внутрь.

В прихожей было тепло. Не включая свет, она сняла рюкзак и положила его на софу около окна. Переобулась в домашние тапочки и убрала верхнюю одежду в шкаф, посмотрела в зеркало и поправила волосы. Открыв межкомнатную дверь напротив входной двери, Таня попала в просторную столовую, совмещённую с кухней. Ей в глаза бросился накрытый на одного человека стол: вилка, ложка, нож, блюдо с хлебом и сыром, салатник с нарезанными овощами, приправленные растительным маслом, высокий стакан с компотом и бумажные салфетки. Она посмотрела налево, где находилась кухня, и увидела женщину среднего роста, стоящую к ней спиной. Шумела микроволновая печь.

– Здравствуй, тётя Люба! – сказала с лёгкой улыбкой Таня.

Женщина повернулась и побежала к ней, раскинув в стороны руки, со словами:

– Ой, Таня! Танечка вернулась!

Они обнимались минуты две. Потом женщина отошла на два шага, оглядела Таню сверху вниз и обратно, воскликнула:

– Как ты повзрослела! – снова проводя взглядом, добавила: – И похудела!

– Постройнела! – поправила Таня, продолжая устало улыбаться.

– С возвращением, дорогая! – добавила тётя Люба и вновь обняла Таню.

Микроволновка уже давно известила, что выполнила свою работу. Женщина достала из неё суповую тарелку и понесла на стол.

– Садись, поешь борща с дороги, – сказала она Тане. – Вчера сварила. Принесла в кастрюльке, чтобы тебе хотя бы пару дней не приходилось готовить.

– Спасибо, тётя Люба, – ответила девушка. – Огромное вам спасибо за всё, что вы для меня делали и делаете! – Тётя Люба лишь довольно улыбнулась. – Только руки помою.

– Конечно, сходи, помой.

Пока Таня умывала лицо и руки в ванной, тётя Люба извинилась, что она и её муж Миша не смогли забрать девушку от вокзала на машине, так как ему не удалось отпроситься с работы, а самой тёте Любе так далеко уже сложно ходить пешком. На что Таня ответила:

– Не извиняйтесь, вы не обязаны этого делать. Да и моим быстрым шагом от вокзала идти от силы минут двадцать.

Тётя Люба также сообщила ей, что к приезду навела в доме и во дворе уборку, перестирала бельё, закупила некоторые продукты и обновила средства гигиены.

– Это чтобы первое время ты могла отдохнуть и освоиться, не отвлекаясь на такие дела, и смогла неспешно привыкнуть, что ты снова дома, – заключила тётя Люба.

Таня в очередной раз поблагодарила её и, сев за стол, при-

нялась с удовольствием есть домашний борщ, а тётя Люба села напротив и не унималась:

– Деньги, квитки и чеки лежат в выдвижном верхнем ящичке буфета в гостиной. Всё в одном месте! За что-то чек-ов нет. Например, за дрова, но я всё записала в блокнот. Он находится там же. Кстати, до нашей Деревни дошла цивилизация: за свет, газ и вывоз мусора мы теперь платим только онлайн, квитки не приходят! Я тебе потом покажу где и как это делать, – с нескрываемой радостью воскликнула женщина и спустя несколько секунд продолжила тараторить: – Миша не разбирается в современных газовых котлах и бойлерах, поэтому побоялся лезть туда, но все остальные электроприборы и электропроводку осмотрел. И баню тоже. В общем, всё целое, ничего не гниёт, ничего не отваливается, плесени и прочего нет. А бойлер и котёл на днях посмотрит наш новый сосед Иван. Ведь из Города специалиста вызывать для одного дома дорого выходит, а когда он был летом по коллективной заявке на день раньше назначенного, мы с Мишей отсутствовали. Я тебе об этом писала.

Таня слушала и ела, не переставая улыбаться – тётя Люба всё такая же: если начала говорить, то не остановишь; и пока не расскажет всё, что хотела или помнит, не угомонится. Внешне она тоже не сильно изменилась: тот же фасон платья, тот же каштановый цвет волос, те же украшения. Разве что морщины стали глубже.

– Что-то не так? – тётя Люба прервала раздумья Тани.

– Всё прекрасно! Слушаю и разглядываю вас. Я просто соскучилась.

– Мы с Мишей тоже так сильно по тебе скучали! – тётя Люба встала, чтобы убрать посуду и отнести в раковину. – Денег, кстати, у тебя там достаточно. Думаю, на три-четыре месяца или даже на полгода тебе с лихвой хватит. Остаток от продажи коров я тоже туда положила. Основной суммой я, конечно, расплатилась за похороны. Об этом я тебе тоже писала.

Тётя Люба разливала на кухне свой фирменный чай из трав и облепихи, а Таня опустила голову. Возникло молчание. Обе не хотели говорить о смерти или похоронах, но рано или поздно всё равно придётся.

– В какой день вы сможете сходить со мной на могилу матери? – спросила Таня, когда тётя Люба поставила две чашки с чаем на стол.

– Думаю в любой.

– Сегодня можно?

– Таню-у-ша, – протянула тётя Люба, уходя на кухню, – тебе нужно сначала отдохнуть с дороги, выспаться. – Она уже возвращалась с двумя тарелками, в которых были по большому куску пирога. – Снова освоиться в своём доме после..., – тётя Люба сначала хотела употребить слово «тюрьма», но вовремя остановилась и сделала паузу, – А потом уже займёшься всеми хозяйственными делами и прочими вопросами.

Подумав несколько секунд, Таня согласилась:

– Вы правы. Надо нормально поспать в нормальной постели. Нормально начать питаться и вернуться к нормальной жизни.

– Вот, – ладонью указала на тарелку тётя Люба, – Испекла твой любимый морковный пирог.

– О, да! Этот шедевр я часто вспоминала в колонии. – Таня нетерпеливо отрезала вилкой кусочек и, не медля, положила в рот. – Ммммм! Какой божественный вкус! Как я по нему скучала!

Тётя Люба широко заулыбалась. Ей нравится, когда хвалят её кулинарные работы.

– Ешь на здоровье. Там, в холодильнике, ещё пара кусков есть. И борщ в кастрюльке. И несколько банок с соленьями и компотом. Сама увидишь, – она отпила чай, а Таня с невероятным аппетитом уминала пирог. – У тебя уже есть какие-нибудь планы на будущую жизнь?

– Сначала пару дней отдохну, – говорила девушка с набитым ртом, – а потом планирую заняться вопросами с работой и восстановлением в университете. Думаю, перед Новым годом вряд ли что-то получится, но пока начну наводить справки. А после праздников попробую вернуться на фабрику, если примут с моей историей. Либо буду работать дома.

– А кем и как дома работать? – поинтересовалась тётя Люба.

– Пока я не получу диплом дизайнера одежды, буду шве-

ёй. Швейную машинку мне папа тогда очень хорошую подарил. Я же подрабатывала со второго курса. Снова буду шить на заказ платья и костюмы.

– Тогда это была подработка. Сейчас тебе надо будет больше заказов. А кто у нас в Деревне будет столько платьев заказывать? – искренне удивилась женщина.

– Как и в те времена буду к клиентам в Город ездить. Снимать с них мерки, потом привозить им вещи сначала на примерку, а затем и готовые заказы. Летом дачники из Столицы что-нибудь да закажут, – уверенно заявила Таня. – Надо только всё вспомнить и настроить машинку.

– Точно! – вдруг согласилась тётя Люба, – И автомобиль у тебя есть – будет удобно, не придётся на электрички и автобусы время тратить. А по ту сторону вокзала расширяется коттеджный посёлок, людей скоро будет много.

– Ещё через Интернет можно предлагать свои услуги и отправлять по Почте, курьерскими службами и через пункты маркетплейсов. Вы же писали, что у нас они теперь есть?

– Да, верно. Какая ты молодец: всё продумала!

– На худой конец помимо одежды могу шить постельные комплекты, портьеры или ещё что-нибудь. Идей у меня много, опыт есть. В том числе и в колонии я шила наматрасники и чехлы для мебели и автомобильных кресел, – Таня звонко засмеялась. – Так что не пропаду.

Тётя Люба была рада слышать позитивно настроенную речь Тани о планах на ближайшее будущее.

– И ещё надо..., – немного замявшись, продолжала девушка, – Как-то реабилитировать себя хотя бы в глазах ближайших соседей и знакомых.

– Таня! – на эмоциях начала тётя Люба, резко положив ладонь левой руки на грудь в районе сердца и глядя на неё выпученными глазами. – Все понимают, что это случайность! Что ты не хотела никого убивать!

– Так я ведь и не убивала, – начала удивлённо мямлить Таня, но тётю Любу уже было не перебить.

– Никто тебя не обвиняет и не осуждает! – продолжала женщина. – Все говорят, что тебе просто не повезло. Просто так получилось. Все жалеют тебя.

– Не надо меня жалеть! – запротестовала Таня. – Мне всего-то нужна была поддержка!

– Так мы с Мишей тебя поддерживаем!

– Я знаю! – воскликнула девушка – И невероятно благодарна вам за это. Но я сейчас про них говорю: они думают, что я убийца!

– Неважно, что они там в своих головах думают, – отрезала тётя Люба. – Посудачат и успокоятся. Тебе дальше жить надо, а не думать о том кто и что подумает и скажет!

– А как мне им в глаза смотреть?

– Да не смотри ты им в глаза! Тебе с ними детей не крепить.

Таня кинула лицо в свои ладони. Всё время, проведённое в колонии, она переживала, что будут говорить соседи и

как её примут обратно. Она заранее себя запрограммировала, что не выдержит клейма «убийца», «мокрушница», «отсидевшая» или тому подобного. Ей было важно знать, что никто не думает о её виновности.

– Танюша, – успокаивала её тётя Люба, – Не печалься ты так из-за этого. Пошепчутся пару дней и перестанут. Всё обрывается. Всё будет хорошо.

Успокоившись, Таня посмотрела на тётю Любу, сказала:

– Да, вы правы. Всё будет хорошо.

– Вот и замечательно! – заулыбалась женщина. – Сейчас ложись поспать, отдохни. А после семи вечера ждём тебя у себя. Я приготовлю вкусный ужин в честь твоего возвращения. Посидим, поболтаем

– Ой, не стоит так беспокоиться, – устало запротивилась Таня.

– Ещё как стоит! – отрезала тётя Люба. – Мы очень долго тебя ждали. И соскучились! Поэтому возражения не принимаются, обязательно приди.

– Хорошо, – сдалась Таня, подумав, что неприлично отказываться, когда люди готовились к её приезду, – я обязательно приду.

– Вот и замечательно! – тётя Люба встала из-за стола, подошла к Тане и поцеловала её в макушку. – Посуду сама помоешь, а я побежала к себе дела делать. Договорились?

– Договорились, – ответила девушка.

– Приходи к семи или около того. И кастрюльку после бор-

ща не забудь вернуть, – наигранно строго сказала тётя Люба и вышла в прихожую.

Таня громко выдохнула. Она, конечно, соскучилась по тёте Любе и её мужу дяде Мише, но после тюремного заточения ей совсем не хотелось кого-либо видеть.

И пока она была в колонии, умерла её мама. Частично это горе она пережила за решёткой, но отсутствие на похоронах, невозможность проводить в последний путь, удручали Таню. Ей надо было как-то пережить это уже в родных стенах. Выплакать. Выстрадать.

Она посмотрела в сторону окна. Сумеречная декабрьская синева уже не была такой тёмной. Таня встала, выключила свет в столовой и кухне и подошла к окну. Она увидела бегущую от дома к калитке тётю Любу в фуфайке, платке и валенках. А с той стороны забора подходила баба Нюта, соседка через пять домов от Тани. Между женщинами начался какой-то диалог.

– Всё, через час вся Деревня будет говорить друг другу, что «Убийца Невинная отчалилась с зоны», – тихо произнесла Таня с некоторой досадой и отошла от окна.

Она оглядела столовую и кухню. Всё было на местах и чисто, как при маме. Таня собрала чашки и тарелки со стола и отнесла их в раковину.

«Позже вымою», – подумала девушка и направилась в ванную, где в зеркале пыталась себя тщательно рассмотреть. Она отметила потухший взгляд, бледность и сухость кожи

лица, ломкость волос. Не смотря на то, что тётя Люба отправляла её в колонию посылки с косметическими средствами по уходу за кожей и волосами, Тане, как ей казалось, не удалось сохранить свою прежнюю красоту – стресс и неподобающие условия заключения непременно играли против неё.

Таня включила воду, чтобы набрать ванну и добавила жидкость для создания пены. Скинула с себя всю одежду и бросила её в корзину для белья, зажгла свечи и выключила свет. Теперь можно было погрузиться почти в горячую воду и впервые за долгое время получить невероятное удовольствие от неспешного принятия ванны.

Её не покидало чувство, будто всё происходит во сне. Будто всё это нереально. Будто всё это не с ней. Она ощущала желание спать и одновременно хотела бодрствовать, действовать. Ведь за время, проведённое в неволе, столько всего упущено и не осуществлено.

Чтобы не утонуть в этих мыслях, девушка схватила с полок флаконы с шампунем, бальзамом, маской, скрабом, молочком и гелем для душа. И не знала с чего начать: приводить в порядок волосы или кожу? Или то и другое? Сколько времени на это уйдёт?

– Пожалуй, сейчас достаточно будет просто смыть запах колонии и дороги, – решила Таня, оставив на бортике ванны только шампунь и гель для душа. – А завтра или послезавтра, выспавшаяся, устрою себе быти-день в бане!

Спустя полчаса Таня вылезла из ванны и насухо вытерла тело, высушила волосы феном. Она надела свой домашний халат, предусмотрительно подготовленный тётёй Любой, и медленно направилась в свою спальню через кухню-столовую.

Сначала она попала в просторную гостиную, в которой с момента приезда ещё не была. Таня отметила, что и здесь ничего не изменилось, всё стояло и лежало на своих законных местах. Буфет с посудой был между окон, картины и фотопортреты и полки с книгами в разных частях стен, диван и кресло около журнального столика в центре, огромный телевизор на невысоком комодe, гибискус в углу в большом горшке и фортепиано между дверьми, ведущими в спальню.

В голове, разумеется, возникали различные воспоминания, связанные с каждым местом в доме, но она продолжала их гнать, потому что не хотела сейчас ностальгировать и рыдать.

В стене слева ближе к девушке была открытой дверь в её комнату, а поодаль – через пианино – закрытая в комнату родителей. Таня направилась к себе.

– Тётя Люба, как я тебя люблю! – произнесла с широкой улыбкой девушка, глядя на свою подготовленную ко сну кровать и зашторенное окно. Через три длинных прыжка довольная Таня бухнулась на свежую постель, растянув руки и ноги в стороны. Затем перевернулась на спину и устроила голову на подушке.

В полумраке комнаты взгляд девушки стал предательски гулять по интерьеру: один рабочий стол со швейной машинкой, другой – с ноутбуком, лампы, картины на стене и фоторамки на комод, люстра на потолке, шкаф, полки с книгами, плюшевые игрушки и другие разные мелочи.

Как Таня ни пыталась бороться, но в голове воспоминания и мысли начали чехарду. Грусть и тоска стёрли улыбку с её лица.

Девушка повернулась на правый бок, накрылась одеялом и шёпотом произнесла, устремляя взор через открытую дверь в гостиную:

– Я дома, мамочка и папочка. Я дома.

В ту же секунду мёртвую тишину комнаты рассекли громкие рыдания. Сначала они были протяжными и походили на вымученный грудной вой. Слёзы мгновенно забили собой глаза, и Таня быстро моргала, пытаясь их скинуть в ручейки. Но слёз было так много, что первые не успевали стекать, – словно застыли и не хотели никуда деваться – когда следующие уже нетерпеливо толпились.

Постепенно вой стал выше и короче. Грудные спазмы рывками улавливали воздух и тут же выпускали его с ужасным криком. Таня чувствовала, что начинает задыхаться, но не могла остановиться. В груди уже появилась боль, а издаваемые звуки приобрели хрипотцу. Тогда Таня максимально вздохнула, уткнулась лицом в подушку и со всей мощи прокричала, выпуская весь воздух из лёгких. И так она сделала

несколько раз.

Достав голову из подушки, девушка снова легла на правый бок. Голова чертовски болела, а в груди щемило. Глаза видели только размытый светлый прямоугольник дверного проёма, поэтому она их закрыла и применила технику выравнивания дыхания.

Натянув одеяло почти до лба, обессиленная Таня вскоре заснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.